

Для цитирования: Инговатов В.Ю. Образ «Святой Руси» в творческом наследии архимандрита Леонида (Кавелина) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_7.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.011

УДК 130.2

ОБРАЗ «СВЯТОЙ РУСИ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА)

В.Ю. Инговатов¹

¹ ФГБОУВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул, Россия
E-mail: Ingvlad@mail.ru

Введение

В переломные моменты истории общество ищет в своём прошлом ответы на волнующие его вопросы. Определение своей идентичности, принадлежности — в самом широком смысле этого слова — к наследию своих предков есть насущная потребность духовной культуры. История нашей Родины здесь совсем не исключение. Более того, само понятие «Родина» становится той отправной точкой, вокруг которой разворачиваются сакральные смыслы присутствия народа в мире. Исторические вызовы и различного рода изломы лишь подчеркивают остроту этой проблемы. Поэтому ожидания общества, его представления о ценностях непременно приобретают экзистенциальный характер в периоды духовных неурядиц и междоусобиц. В один из таких поворотных периодов нашей истории в 1916 году православный мыслитель Е.Н. Трубецкой писал: «...будем помнить: великий духовный подъем и великая творческая мысль, особенно мысль религиозная, всегда выковываются страданиями народов и великими испытаниями. Быть может, и наши страдания — предвестники чего-то неизреченного великого, что должно родиться в мир» [1].

За два десятилетия до приведенных выше и написанных князем Е.Н. Трубецким слов архим. Леонид (Кавелин) представил исследование, где зафиксировал исторические сведения о святых и подвижниках благочестия на Руси. Эта масштабная работа сыграла важную роль в укреплении православных основ в духовной жизни России. Здесь необходимо отметить, как подчеркивал С.Н. Булгаков, что «святые являются нашими молитвенниками и покровителями в небесах и поэтому живыми и деятельными членами Церкви воинствующей, земной. Их благодатное присутствие в Церкви, внешне являемое в их иконах и мощах, окружает нас как бы молитвенным облаком славы Божией. Оно не отделяет нас от Христа, но приближает к Нему, соединяет с Ним» [2, с. 259]. Именно в этом ключе и следует, прежде всего, оценивать труд архим. Леонида (Кавелина), посвященный образу «Святой Руси» и содержащий описание благодатной деятельности и духовных подвигов русских святых.

1. Духовно-исторические основания образа «Святой Руси»

Работа по систематизации и исторической достоверности сведений о русских подвижниках благочестия, проделанная архим. Леонидом (Кавелиным) в конце XIX столетия, заслуживает большого уважения и пристального изучения. Вся суть православия сосредоточена в образах и духовных судьбах его святых. В этих земных подвигах подвижников веры и обнаруживает себя образ Святой Руси. Однако было бы непростительным упрощением сводить истолкование опыта христианской веры к назидательному народному фольклору. Прот. Г. Флоровский в известном своем труде по истории русского богословия подчеркивал, что «ради благочестия принято даже теперь говорить о вере каким-то поддельным, мнимо народным, не естественным, жалостливым языком. Это самый опасный вид обскурантизма...» [3, с. 504]. Архим. Леонид прекрасно это понимал, когда взялся за изложение сведений о «всех святых и подвижниках благочестия на Руси». Но не мог он игнорировать и огромный массив информации, который уже был зафиксирован в месяцеслове (святцах) — церковном календаре с указанием памяти святых и связанных с ними круга церковных праздников.

Сам жанр святцев — как отдельных рукописных или печатных текстов — получил развитие в XVII–XIX столетиях. Корни этого жанра обнаруживаются в ещё более древней русской летописной традиции. Практика создания таких текстов свидетельствует о почитании на конкретной территории подвижника или причисляемого к лику святого. Точность изложения указаний и сведений не могла быть слишком высокой по совершенно объективным причинам: древнерусские сочинители обращались не столько к историческим источникам духовного подвига христианина, сколько указывали на массовое почитание и установление празднование того или иного святого.

Архим. Леонид берется, таким образом, за выполнение специального исследования по русской агиографии. Как он сам поясняет, его интересуют сведения о русских святых и подвижниках. Полученные результаты работы о каждом таком лице он помещает в отдельные параграфы. Отметим также, что сам автор свою мотивацию этого труда определяет так: «Желательно, чтобы настоящая книжка побудила местных читателей памяти святых составить Патерики по областям и городам: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иных, причем особенно желательно, чтобы существующие жития нарочитых святых непременно были напечатаны вплоть до самых древних и исправных, дошедших до нас списков первой начальной редакции (если их несколько)» [4]. По задумке архим. Леонида, данные о каждом лице заключаются в пяти следующих графах:

1. Имя и звание святого (Князь, Княгиня, Святитель, Преподобный, Архимандрит, Игумен, Игуменья, Блаженный (юродивый), Праведный, Праведная, Затворник, Верижник, Пустынный).
2. Год и число преставления (если известны) или одно столетие, в коем оно последовало.

3. День памяти, открытия или перенесения мощей (если таковые известны).
4. Место погребения: где и как почивают мощи — открыто или под спудом. Если открыто, в раке — сведения об одной, когда и какая, и кем устроена.
5. Есть ли житие и служба? Когда и кем составлены? В списках какого века сохранились?» [4].

Особо подчеркивается, что в книге автором упоминается 795 имен (до XVII в.), а жития святых содержат не более «двухсот имен». Такая ремарка совершенно очевидно указывается архим. Леонидом с простой целью: побудить новых исследователей образов Святой Руси к восполнению пробелов в истории Церкви.

Таким образом, усилия архим. Леонида вполне укладываются в общую церковную практику, когда сведения о святых стали вводить в особые сборники. Из истории христианской Церкви известно, что уже к IV столетию стали появляться своды или списки имен мучеников с указанием дня их церковного поминовения [5, с. 17]. В дальнейшем они могли облекаться в форму календарей или диптихов (триптихов, петаптихи и т.д.), которые представляли собой таблички с именами членов поместной общины, упоминаемых за Божественной Литургией. В качестве примера из отечественной истории отметим, что одними из первых оригинальных опытов агиографии можно назвать «Чтение о св. Борисе и Глебе» или «Житие Феодосия Печерского», написанные Нестором Летописцем. В дальнейшем такая литературная и духовная практика получит самое широкое распространение в летописной традиции на Руси.

2. Духовно-метафизические конструкторы образа «Святой Руси»

Известный духовный писатель второй половины XIX столетия архим. Феодор (Бахарев), современник архим. Леонида, отмечал: «простота веры наших предков была такова, что разумно обнимала не только прямо церковную, но и гражданскую жизнь нашего народа; но как, в каком порядке это было, отчетливо осознать это предлежит уже нашему позднему времени» [6, с. 91]. Собственно, такую работу и попытался осуществить архим. Леонид. В православной традиции принято считать, что «Церковь знает разные чины святости или духовные образы спасения: пророки, мученики, святители, вселенские учителя, преподобные иноки, воины и цари, врачи и бессребренники, и этот перечень не имеет, конечно, исчерпывающего характера... При этом, не все святые ведомы миру, есть такие, которых Господь заключил в безвестность. Есть праздник всех святых, когда творится память, во-первых, всех святых в их единении, а во-вторых, всех святых не только прославленных, но и не прославленных» [2, с. 262]. Отсюда и главная смысловая задача архим. Леонида: показать историко-духовные основания образа «Святой Руси» непосредственно через жизнеописание благочестивых подвижников в русском православии. Ведь святость столь же многообразна, как и человеческие индивидуальности.

Одна из самых серьезных проблем на этом пути состоит в ложной рационализации веры. Итогом такой рационализации может стать ошибочное доверие понятийной форме, стремящейся зафиксировать истины Богопознания через упрощение и примитивизацию каритативного («сердечного») знания. Заметим, что духовное зрение посредством трансцендентирования проясняет бытие, удостоверяя нас в его подлинном существовании. Поэтому смысл религиозных практик познания состоит в том, чтобы с помощью конечного (предметного или понятийного представления) мыслить бесконечное и беспредметное бытие. Если же бесконечное фиксируется в конечном, появляется не истинное знание о мире, а рациональное понятие о нем. Иначе говоря, не знаки о мире суть подлинное знание, а трансцендентное постижение бытия, дающее смысл существованию миру. Речь не идет о недоверии разуму как таковому. В конце концов, человеческое мышление не может не быть понятийным и рационально организованным. Однако в познании таких сверхрациональных явлений как святость мы имеем дело с неким «металогическим единством», «непостижимым» (С.Л. Франк), определяющим и направляющим само наше бытие. Отсюда выводится два рода знания о человеческом существовании: непосредственное, данное в «металогической цельности и сплошности» [7, с. 229], т.е. первичное знание; и вторичное, отвлеченное и в этом смысле выразимое в понятиях и суждениях.

В качестве иллюстрации к выше сказанному, отметим, что нет какой-либо «верификации» святости, которую можно было бы подтвердить экспериментально или зафиксировать в каких-то единицах измерения. Как же узнает Церковь о «тайне суда Божия, прославляющего святых? Иными словами, как совершается прославление святых? По существу на этот вопрос следует ответить так, что так или иначе оно становится самоочевидно для Церкви, ибо свидетельствуется особыми знаменами, различающимися в разных случаях (чудеса, нетление мощей, главное же осязательная благодатная помощь). Церковная власть своим актом только свидетельствует эту самоочевидность, которая есть дело соборного самосознания Церкви, и узаконивает почитание святых» [2, с. 266].

Этот принципиальный момент подчеркивает и Г.П. Федотов в своем известном исследовании, посвященном святым Древней Руси. Он указывает, что «...допетровская святость Русской Церкви была уже цельной и законченной... Первое и последнее впечатление, которое остается при изучении этой святости — ее светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от завещанного древностью христианского идеала. В монашестве мы почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний. Господствующая аскеза русских святых — пост и труд. Оттого постничество и трудничество, наряду с подвижничеством, суть русские переводы не привившегося у нас слова "аскеза"» [8]. Один из первых опытов такого подвижничества в монашестве на Руси связывается с деятельностью Сергия

Радонежского и Нила Сорского. Он снискал им широчайшую известность и общенародное почитание.

Особо обращает на себя внимание то, что каждый день церковного года освящается памятью святых, которым через молитвенное обращение воздается особое почитание. В этом контексте проявляется не только установка на обращение к высшему, «горнему» миру, но и достижение единения с Богом через энергию святости. Отсюда проистекает и практика канонизации святых. Как замечает Г.П. Федотов: «Акт канонизации — иногда торжественный, иногда безмолвный — не означает определения небесной славы подвижника, но обращается к земной церкви, призывая к почитанию святого в формах общественного богослужения. Церковь знает о существовании неведомых святых, слава которых не открыта на земле. Церковь никогда не запрещала частной молитвы, т.е. обращения с просьбой о молитве к усопшим праведникам, ею не прославленным. В этой молитве живых за усопших и молитве усопшим, предполагающей ответную молитву усопших за живых, выражается единение Церкви небесной и земной, то “общение святых”, о котором говорит “апостольский” символ веры» [8].

Таким образом, образ «Святой Руси» у архим. Леонида приобретает принципиально новую — духовно-культурную — форму памяти о единстве народа и его исторического призвания. Понятие «Святая Русь» с самого своего появления имеет не просто географическое или этническое, а прежде всего, духовно нравственное значение. И как заметил В.Н. Топоров: «Образ же Святой Руси полнее всего передает собор святых, предстателей перед Богом и одновременно дар Ему от Святой Руси. «Якоже плод красный Твоего спасительного сеяния, земля Российская приносит Ти, Господи, вся святая, в той просиявшие. Тех молитвами в мире глубоце церковь и страну нашу Богородицею соблюди, многомилостиве», — говорится в «Тропаре всем святым в земли Российской просиявшим» [9].

Божественное познание, осуществляемое через земную жизнь святых угодников посредством «живого знания» (А.С. Хомяков), вскрывает изначальную онтологичность мира. И пусть божественное остается невыразимым, но оно вносит в нашу жизнь внеземную красоту. Как заметил В.В. Зеньковский: «Это не платонизм, а утверждение иерархического принципа, т.е. подчинения земного небесному» и в нем «сильна жажда утвердить и в отдельном человеке, и в мире примат духовной правды» [10, с. 42-43].

Выводы

Труд архим. Леонида (Кавелина), посвященный исследованию образа Святой Руси, раскрывает особенности формирования русской духовной идентичности, опирающейся на православное понимание человеческого призвания в мире. Святые, согласно православной традиции, понимаются у него как молитвенники и покровители человека на небесах. Они суть живые и деятельные члены Церкви. Поэтому так важно использовать духовное

достояние народа, доставшееся нам от прошлых поколений и которое есть дар Божий, для сохранения нашей самобытности и исполнения нашего исторического призвания.

Список литературы

1. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи / Е.Н. Трубецкой [Электронный ресурс] — URL : <https://arheve.com/read/trubeckoy-en/dva-mira-v-drevnerusskoy-ikonopisi/62399>
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной Церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
3. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж: YMKA-PRESS, 1983. 600 с.
4. Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891. — URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/av/elin_01.htm
5. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства / А.Б. Ранович. [Текст]. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
6. Феодор (Бахарев), архим. О духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. 320 с.
7. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения / С. Л. Франк. [Текст]. М.: Правда, 1990, с. 183-555.
8. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. — URL: <https://predanie.ru/book/69666-svyatye-drevney-rusi/#/toc17>
9. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. — URL: <https://predanie.ru/book/111319-svyatost-i-svyatye-v-russkoy-duhovnoy-kulture-1/>
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.1. Л.: Эго, 1991. 221 с.